

Государственник

Долго не мог найти слово, которое бы обобщало жизнь и деятельность академика Валентина Афанасьевича Коптюга. В наступающем июне ему исполнилось бы 80 лет, не умри он столь безвременно в 65. Нужное слово подсказало одно событие. Но не дома, в Новосибирске, а в Москве, где довелось недавно побывать на поминках одного очень близкого и родного мне человека.

Сердечное участие в поминках и похоронная публика: доктора наук, адмиралы и генералы, капитаны с разных флотов, другие товарищи и друзья без особых заслуг и званий, но искренне горящие о человеке, который ушёл из жизни.

Так вот, они, характеризуя заслуги и дела умершего, чаще всего говорили о том, что он был государственником. То есть интересы страны ему всегда были куда важнее, чем свои собственные.

Государственником был и Валентин Афанасьевич. С той лишь разницей, что масштаб интересов этих людей был, конечно, разный.

Семнадцать лет академик Коптюг руководил Сибирским отделением РАН. Почти столько же, сколько и Михаил Алексеевич Лаврентьев. Но с одной принципиальной разницей. Лаврентьев начинал своё великое дело по преобразованию Сибири с помощью науки при полной поддержке государства, а Коптюг продолжал его дело при сопротивлении и небрежении полуманного государства к науке в Сибири.

Вникать в эту горькую «разницу» не буду. Ученые расскажут о ней лучше. Своей задачей считаю другое: показать Валентина Афанасьевича как человека при наших коротких и, естественно, редких встречах. Меня он словно притягивал. Сначала как гуманитария. Было понятно всё, о чем бы он ни говорил, что в науке далеко не всегда встречается. Я выслушал множество его докладов и выступлений. Они позволяли нормально и внятно рассказать о них в газете.

Кроме того, в нем был шарм — и внешний, и внутренний. Он мгновенно и точно откликался на юмор. Его интеллигентность едва ли совпадала с некоторыми оценками, когда о нем вспоминали. Мы были с ним почти одного возраста и одной, в чём-то похожей, биографии. К примеру, у нас отцы были репрессированы. (А у меня ещё и мать). Помня об этом, биографы Коптюга обязательно уточняют, что он от репрессий «не озлобился». Да, Коптюг, считаю, и не мог озлобиться ни по характеру своему, ни по убеждениям, ни по своей культуре. В том числе, и на это рассчитывал сталинизм, совершая

свои преступления и проводя отбор кадров по анкетным и национальным данным. Мол, наш народ всё стерпит.

С благодарностью вспоминаю, что Валентин Афанасьевич всегда поддерживал «Советскую Сибирь», в которой мне довелось работать десятилетиями. Напомню только, что из разворотов газеты «Наука: сибирский вариант» родились две академические и давно разошедшиеся книги «Предназначение» и «Преемственность». Не исключено, что появится и третья книга, хотя автор сейчас и отделился от интересов науки.

Пользуясь доброжелательством и поддержкой Валентина Афанасьевича, я как-то вернул академика Коптюга в одно судебное дело (какое до сих пор). Оно было связано с институтом, о котором сейчас даже памяти не осталось. Но не с академическим институтом, а отраслевым, однако расположенным в Академгородке.

Из него в редакцию постоянно поступали жалобы и другие тревожные сигналы. Меня вызвал редактор Алексей Григорьевич Жаринов и сказал:

— Займись, пожалуйста, этим делом.

Помню, что стал отказываться. Я был тогда заместителем Жаринова, а у нас работал журналист с юридическим образованием. Да и память не позволяла забыть одну поучительную статистику. Не забывал, что в советское время после моих критических публикаций семнадцать человек (в основном, руководители разного ранга) либо были уволены с работы, либо уволились сами. А когда СССР развалился, то никакая критика словно ни на кого не производила впечатления. Или всё заканчивалось то судебным процессом, то такой длительной тяготиной, в которой понапрасну сгорали драгоценные газетные часы и дни.

Но редактор у нас был хороший, мы работали с ним дружно, а скорее дружески, и я сдался, поехал разбираться в этот забытый ныне институт, в котором меня сразу поразила одна особенность. Все хотели журналиста отвести куда-то в угол и нашептать ему нечто неприятное про остальных сотрудников. Впечатление складывалось такое: здесь не любят друг друга, и сотрудники разбились на разные группы. Ни в одном академическом институте за долгие годы работы ничего подобного не встречал, хотя и в них ничего не идеализировал.

Дня через три я положил на стол редактору разгромную статью по этому институту. Он её подписал и прозорливо заметил:

— Мы ещё хлебнем от этого гадючника. Тем более, что в нем директор не наш. Какой-то вояка, присланный министерством.

Так и оказалось: директор этого института подал на редакцию в суд и предъявил нам штрафные санкции на миллионы рублей за моральный ущерб и чуть ли не за клевету.

Я, защищаясь, отсидел одно судебное заседание, другое... и поклялся самому себе, что ни единого рубля редакция, в которой никогда не было денежного избытка, этому вояке-директору не заплатит. Так и случилось. Но лишь после встречи с Валентином Афанасьевичем.

... Мне был назначен приём на вечер. Он был дождливый и серый. Рабочий день заканчивался, но в приёмной было полно народу.

— Ну, — подумал, — придётся всех переждать. Академиков и аппаратчиков Валентин Афанасьевич примет раньше.

Но нет! Дверь приоткрылась, и я услышал:

— Ольга Денисовна! Пусть Ролан Константинович заходит...

Я заторопился в кабинет, заметив, что ожидающие смотрят на журналиста как на врага народа.

В кабинете Коптюга стоял такой дым, словно здесь испытывали свою продукцию две табачные фабрики. Стол председателя СО РАН был завален бумагами. Впрочем, не только стол. На полу у каждой ножки стола тоже высились какие-то бумаги и книги.

— Сейчас мы создадим с вами, — сказал Валентин Афанасьевич, — рабочую обстановку и примемся за ваш судебный процесс.

Коптюг встал, плавно, как бы разгоняя синий сигаретный дым в кабинете, провел ладонью по дымному воздуху и заключил:

— Ну, вот. Теперь можно работать. А Ольга Денисовна принесет нам чай.

Ольга Денисовна принесла ещё и коньяк. Я давно свято соблюдал на работе одно пра-

вило: ни с кем не пить. Но было пять исключений. Одно назову: это Коптюг. За все годы работы я выпил с ним две рюмки коньяка. Одну как раз тогда, когда он разбирал мое судебное дело. А разбирал он его с удивляющей меня дотошностью и знанием юридических деталей.

Я не выдержал и заметил:

— Мне кажется, что вы по образованию не химик, а юрист.

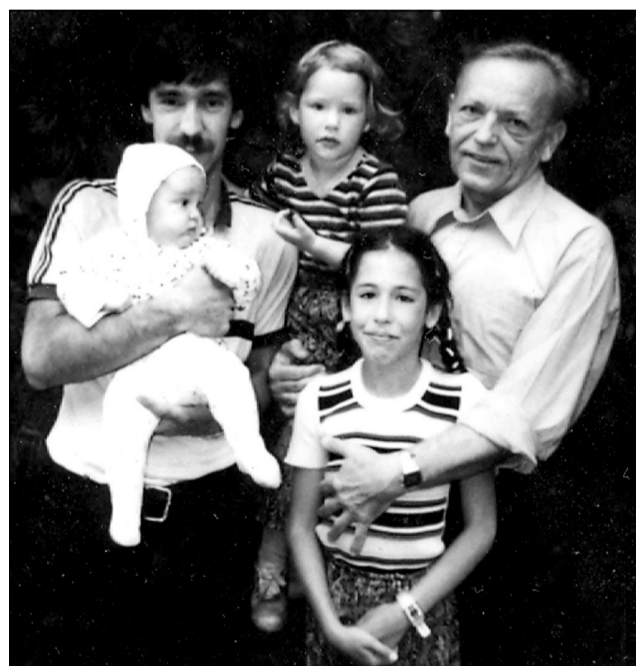
— Химик я уже в прошлом, — улыбнулся Валентин Афанасьевич. — А юрист... Ты не удивляйся. Сейчас сутяжное время. Сибирское отделение тоже судится. Надо уметь защищаться, появилось много охотников что-то у нас урвать. А нынешние суды совесть не тревожат. Вот и в твоём суде так же. Но ты не волнуйся, с вас никаких миллионов никто не съедет. По сути, ты написал правильно. А по форме немного наплутал, перегнул в оценках. Но воздействовать на этот институт и его директора можно.

Мы допили коньяк и попрощались с Валентином Афанасьевичем. Через три дня я узнал, что директор института, с которым редакция «бодалась» в суде, забрал своё заявление и отказался от всех претензий к «Советской Сибири».

Ещё раз вспоминал обо всем этом давнем деле, когда прилетел после московских поминок домой. А через день побывал в Академгородке. У Института цитологии и генетики подошел к памятнику Валентина Афанасьевича Коптюга.

Постоял, склонил голову и подумал, что честных государственников у нас всё меньше. Да и чему удивляться?! Как говорил про самого себя Коптюг, он живет в состоянии монотонно нарастающего напряжения.

Ролан Хотман
Фото В. Новикова

Дома, на улице мы ежедневно слышали научную лекцию. Знакомые регулярно обсуждали защиты кандидатских, докторских диссертаций. Кончая школу, мы знали, что будем продолжать образование в вузах, это был естественный путь для детей, выросших в научной среде. Понимание ценности образования, желание принести пользу в избранной отрасли знаний, добиться успеха шли из семьи и диктовались самим духом Городка. Так выросли мы с мужем, так растили своих детей. Игорь Валентинович Коптюг защитил диссертацию на соискание степени доктора химических наук, когда ему ещё не исполнилось сорока лет. Рабо-

Наследие

В начале 1960-х годов семьи молодого секретаря райкома КПСС Марти Петровича Чемоданова и молодого учёного Валентина Афанасьевича Коптюга жили в доме № 44 на Морском проспекте. Родители работали, дети ходили в школу, играли во дворе. Вокруг царил особая атмосфера Академгородка — интерес к науке, стремление к новому, постоянное развитие, энтузиазм, вера в будущее.

тает в Международном томографическом центре СО РАН, профессор, заведующий лабораторией, лауреат премии губернатора НСО.

Оглядываясь назад, я вижу, что моих родителей и свёкров объединяла общая молодость, участие в созидании СО РАН. Отцы, а позднее деды постоянно работали, давая детям и внукам пример не словом, а делом. Обязательно находили время для семьи. Пересматривая многочисленные фотографии в семейных альбомах, вижу, как менялись дети, а бабушки и дедушки оставались неизменными: нежно обнимают, смотрят с любовью. В памяти звучит голос деда, разговаривающего с внучкой-подростком: «Ешь, Мила, растущий организм требует постоянной подпитки!»

Помню, как Валентин Афанасьевич получил в 1990 году Ленинскую премию. Мы гостили летом у моих родителей в Москве. Он примчался туда сияющий, окрылённый успехом и признанием. Дети, тогда ещё совсем маленькие, кинулись к нему с радостными воплями: «Дедушка, мы тебя только что видели по телевизору!» Сели все вместе за большой гостеприимный стол, отметили. Таких радостных встреч было немало.

Бывало, дед забегал к нам на часок между заседаниями. Проходил к детям, усаживался с ними на коврик прямо в костюме, играл, слушая непрерывный поток новостей, и никогда не сбивался. Старшей внучке Миле приносил материалы по устойчивому развитию. После его кончины в бумагах мы нашли статью с пометкой «Показать Миле». Средней внучке Жене объяснял, что самое важное качество учёного — честность, и поощрял её интерес к интервью, репортажам. Когда

младшая внучка Ира научилась читать в 5 лет, терпеливо слушал, как она читает вслух «Золотой ключик». Думаю, это были единственные моменты в его жизни, когда он отдыхал.

Как-то раз он взялся объяснять мне, как нужно правильно воспитывать детей. Я внимательно выслушала, а потом ответила по пунктам: «Спасибо за советы, а вот этого я делать не буду». Последовала пауза, потом дед спросил, почему. Я объяснила: «Вы вырастили двух мальчиков, а у меня три девочки». Он посидел молча — и вдруг рассмеялся: «Ты знаешь, я же президент, мне так давно никто не возражает, привык диктовать. А ведь и правда, есть вопросы, в которых кто-нибудь может разбираться лучше меня. Надо учесть». Смеялся он заразительно, от души.

Наша старшая дочь Мила весной сдала вступительные экзамены в НГУ на «отлично», а потом попросила нас отпустить её в Москву, «попробовать то, что сделала мама» — поступить на филологический факультет МГУ. Поступила, деды очень гордились её успехами. Работать с полной отдачей приучены все члены нашей семьи. Мила закончила Московский университет с золотой медалью, через три года защитила кандидатскую диссертацию по филологии. Женя и Ира окончили школу с золотыми медалями, Новосибирский государственный университет с отличием. В текущем году заканчивают магистратуру. Для нас очень важно, что семейные традиции продолжают.

Нина Коптюг, кандидат филологических наук
На снимке:

— Валентин Афанасьевич с сыном Игорем и внучками, 1988 г.